

ВЛАДИМИР
БОГОРАЗ

СКАЗАНИЕ
ОБ ЭЛЕНДИ
И ЕГО СЫНОВЬЯХ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б74

Богораз В. Г.

Б74 Сказание об Эленди и его сыновьях / В. Г. Богораз. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 36 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72898-0

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Владимира Германовича Богораз «Сказание об Эленди и его сыновьях».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72898-0

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Сказаніе объ Элѣнди и его сыновьяхъ.

Сказаніе объ Элѣнди и его сыновьяхъ

Среди чукотских сказок и преданий видное место занимают сказания из времени борьбы чукотского племени с таньганами. Под общим именем таньгитань чукотская этнография подразумевает не только близкое родственника племени коряков и чувачев, но также и русских, впервые выступивших на границах чукотской территории в союз с братьями и в то же время невольными врагами чукотского племени, таньганами. Эти сказания в противоположность собственно сказкам выгодно отличаются отсутствием фантастического элемента, и некоторые из них живо обрисовывают обстановку чукотской жизни и даже умственные и нравственные понятия чукотского племени. В общем ряду сказаний чукотского народа эти рассказы составляют третье наслоение. Самое раннее наслоение представлено рассказами мифологического и космогонического содержания, которые сами тучкин определяют общим именем тоттумвэткин или тоттумватайнэкин т. е. первозданный (первозданно-временный).

Что же касается рассказов о борьбе с таянгими, которые ~~чужды~~ отличаются от других под именем акалеттан т. е. ~~эвенгильских~~ происхождение их относится к более недавнему времени. Некоторые из них, напр., относятся к борьбе с русскими, т. е. к событиям, имевшим место менее полутора столетия назад. Даже в этих рассказах, где врагами чукотч являются настоящие таянги, видны многие следы позднейшего происхождения. Вместо древнего оружия из кости или китового уса, в них всегда является железо, железные ножи, копыя, котлы. Даже табак, вместе с железными издělиями составляющий до сих пор нерв чукотско-русской торговли, нередко занимает видное место. Вообще воспоминания о временах борьбы с Таянгими еще свежи в народной памяти. Многие из теперь живущих чукимов ведут свой род от Айнгурхина, Лавтулхайна и других витазей, высчитывая число поколénий, сблившихся с того времени (от 9 до 14) и даже определяя происхождение по женской или по мужской линии.

Повѣсть объ Элэндѣ разсказана мнѣ чукчей Айваномъ, по русски Иваномъ, зимою 1896 г. на урочищѣ Аконайке (бештанная земля: такъ называется мѣстность, находящаяся къ востоку отъ Колымы внутри лѣсной границы. Названіе свое она по-

лучила отъ непроходимаго кустарника, безпощадно обдирающаго въ лѣтнее время мѣховые шаровары чукотскихъ пастуховъ). Она была записана мною по мѣрѣ разсказа, въ видѣ возможно болѣе точнаго перевода на русскій языкъ. Можетъ быть не безынтересно будетъ замѣтить, что этотъ Айванъ, одинъ изъ лучшихъ сказочниковъ въ области прикомльскихъ чукочъ, рожденъ отъ русской матери, которая впрочемъ была отдана на тундру маленькой дѣвочкой и выросла среди чукочъ, обратилась въ настоящую чукчанку. Происхожденіе отъ русской матери, конечно, не придадо Айвану—Ивану ни одной черты, способной отличить его отъ его сосѣдей. Какъ и всѣ прочія дѣти русскихъ женщинъ, вступившихъ въ супружество съ чукчами, онъ по русски не знаетъ ни слова, пасетъ свое стадо такъ же рачительно, какъ и другіе молодые пастухи, приносить жертвы чукотскимъ богамъ (дѣявольмъ по русскому опредѣленію), лѣтомъ голодаеть, питается падалью, гнилью и т. д.

I.

Что скажу, съ чего начну? Были пять братьевъ, младшему имя Элѣнди. Всѣ братья были сильные, но Элѣнди былъ сильнѣе всѣхъ. Былъ Элѣнди крѣпокъ, и ловокъ, и быстръ. Владѣлъ копьемъ, стрѣлялъ изъ лука, состязался въ пѣшмѣ бѣгъ, или въ ристаніи на оленяхъ, былъ Элѣнди весьма искусенъ. Были изначала богаты оленями. Стада ихъ, какъ валежники. У пяти братьевъ двѣ сестры. Пошли зачерпнуть воды пестро-раскрашеннымъ желѣзнымъ сосудомъ. Ихъ серьги звенятъ на ходу. Металлическіе браслеты отъ кисти до локтя. Не зачерпнувъ воды, стоятъ надъ обрывомъ, звенятъ серьгами и браслетами у воды, между собой пересмѣиваются. Толстыя косы висятъ по сторонамъ. Въ это время два коряцкихъ ¹⁾ молодца подкрадываются по надъ берегомъ рѣки. Выскочили, схватили ихъ, каждый схватилъ по одной.—«Пойдемъ съ нами!» говорятъ. Тѣ отказываются. Взмахнули копиями надъ головой. Чтѣже? Испугались и пошли. Говоритъ корякъ:—«Вотъ пойдемъ по этой дорогѣ! Вы идите впереди! Убѣгать не пытайтесь!» Дѣвушки не въ силахъ идти пѣшкомъ, ибо весьма богаты, изстари привыкли ѣздить на оленяхъ ²⁾. Наконецъ достигли нѣслета, сѣли на землю, улеглись спать, и коряки возлѣ нихъ. Старшая и младшая сестра, уставъ отъ ходьбы, не могутъ спать. Ноги ломать, духъ стремится домой. Крѣпко заснули коряцкіе парни. Дѣвушки отъ желанія къ дому не спятъ. Впереди по дорогѣ виднѣется снѣжная заросель ³⁾. Говоритъ старшая сестра младшей.—«Они спятъ, убѣжимъ хоть къ этому снѣгу и зароемся тамъ. Пусть они уйдутъ безъ насъ. Не то убьютъ насъ—мы ходить не въ силахъ!»—У соннаго старшая сестра вытащила ножъ изъ за пояса. Обѣ ушли къ заросели. Подошли, ударили ножомъ, пробили отверстія, разгребли внутри снѣгъ до черной земли, сдѣлали словно жилище. Старшая младшую протолкнула внутри въ отверстіе, потомъ тщательно загребла и закрыла, какъ будто старый нетронутый (снѣгъ). Покончивъ, говоритъ:—«Я уйду, тебя покину! По крайней мѣрѣ ты хоть воротись домой. Тоску Элѣнди утѣши!» Предъ уходомъ старшая говоритъ младшей:—«Пока мы будемъ здѣсь, ты ожидай, скучай! Когда уйдемъ и солнце подымется высоко, выйди наружу, иди домой! Одинъ изъ коряковъ сильно меня желаетъ, пусть уведетъ меня! Ты одна хоть воротись домой! (Скажи Элѣнди!): «Меня любящій за мною придетъ!»... Вернулась назадъ, положила ножъ на прежнее мѣсто, легла рядомъ съ парнями.

¹⁾ Танънгын аа чѣк. Я предпочелъ перевести коряцкихъ, а не чуванскихъ, хотя прикомльскіе чукотскіе сказочники, не видѣвшіе никогда коряковъ, при разспросахъ обыкновенно называютъ таньнговъ чуванцами, явѣдно прямо по русски. Но не многочисленный чуванскій народецъ, сколько можно судить, не игралъ особенно видной роли въ борьбѣ, между тѣмъ какъ столкновенія между чукчами и коряками на границахъ территоріи не прекращались почти никогда до сравнительно недавняго времени.

²⁾ Люди, избѣгае много оленей, дѣйствительно мало ходятъ пѣшкомъ.

³⁾ Залежь старого снѣга.

При подъемѣ солнца одинъ изъ нихъ пробудился, вскочилъ:—«Гдѣ же другая! О, диво! ¹⁾ Мы не замѣтили! Кажется ушла!» Та какъ будто не слышитъ, спитъ. Проснулся и другой. Разбудили и ее. А она все еще сонная. Притворяется. Наконецъ словно пробудилась.—«Гдѣ, гдѣ другая?—Да она вѣдь тутъ заснула!.. Вѣдь вы рядомъ спали! Гдѣ ее дѣла?...—Да вѣдь вы мужчины! Развѣ вы утомились отъ ходьбы? Я же и ходитъ то не могла!.. Вы отчего же такъ крѣпко заснули?... Молчать коряки. Одинъ говоритъ:—«Должно быть она ушла домой, вернулась къ братьямъ! Вросимъ ее! Не пужно! Покрайней мѣрѣ хоть эта!» Другой говоритъ (который остался безъ женщины). «Вотъ вотъ, въ этомъ снѣгу! Посмотримъ!» Сердце встрепенулось у сестры. Говоритъ, въ утробѣ своей: «О, должно быть убьютъ!»—«Пойдемъ, посмотримъ въ заростели!».. направились къ заростели. Дѣвушка сестра послѣдовала за ними. Тайно плачетъ дѣвушка сзади во время пути.—«О, должно быть убьютъ! Подошли къ окраинѣ скалы, къ снѣжной заростели близко. Отъ солнечной теплоты сбѣяла снаружи, покрылась дырками поверхность заростели.—Эго что за дыры?—говоритъ другой корякъ, ткнулъ копьемъ внутрь, развѣ, другой; чуть не колетъ спрятанную, а она каждый разъ увертывается, едва извлекается отъ удара. Снова и снова колетъ, наконецъ кольнулъ таки въ ягодицу. Дѣвушка закусилла губу да крови, припала грудью къ землѣ, вкапывается въ землю ногтями, какъ лисица. Подруга сидитъ поодаль, глядитъ на ихъ дѣйствія, тайно плачетъ. Замѣтили, говорятъ:—«Гдѣ! зачѣмъ ты плачешь?»—Она отвѣчаетъ: «Ко!» ²⁾ —Да, да! она тутъ! Почему эта плачетъ? Конечно тутъ спряталась!»—«Лжешь! говоритъ дѣвушка.—Или ты самъ ее туда спрятали?... Чѣмъ же сдѣлаемъ мы отверстіе во льду? Развѣ ногтями? Или ты видѣлъ вчера у насъ ножи?»—О чемъ же ты плачешь? Скажи!»—«Нѣтъ! Примкнуть къ твоей семьѣ мнѣ тоска, оттого я и плачу, въ твоемъ народу быть безсловесной при чуждомъ языкѣ, для меня большая скука, ибо вѣдь въ первый разъ вижу я теперь твой народъ. Кромѣ того вчера я почти не могла идти. Вы меня принуждали силой. О томъ вспомяная, плачу. Да и думала я, что буду вмѣстѣ съ сестрой, на лицо подруги своей смотрѣть стану. Теперь осталась совсѣмъ одна. О томъ размышляя, плачу!» Другая слушаетъ въ тайномъ убѣжищѣ. Говоритъ между собою коряки: «Должно быть правда! Той нѣтъ здѣсь! Мы вѣдь копьемъ кололи!.. Ничего! Вѣроятно она давно скрылась, убѣжала домой! Уйдемъ! Зачѣмъ намъ медлить?» Ушли, ее покинули. Старшая говоритъ: «Я не пойду теперь вперед!» Идетъ сзади по ихъ слѣдамъ.

Стало солнце спускаться съ полудня, спрятанная не можетъ ждать больше. Говоритъ «павѣрное они уже ушли далеко!» Выползла изъ снѣга, направилась въ обратный путь! Хромя, вся въ крови! Дважды почевала безъ крова. Домой пришла, Элѣнди нѣтъ дома, ходитъ по землѣ, шьетъ. Остальные братья стали ее обнимать и цѣловать «Гдѣ сестра?..» Молчить. Не показала раны. Пришелъ и младшій братъ: «Пришли ли сестры?» Какъ увидѣлъ, такъ и схватилъ сестру, цѣлуетъ ее, ласкаетъ, насмѣяться не можетъ. Потомъ говоритъ:—«Гдѣ же подруга?» Только ему сказала.—«Увели ее! Предъ уходомъ говорила: «Меня любящій пусть за мной придетъ!» У младшаго брата нѣтъ сна: «Гдѣ же моя сестра». Раненая говоритъ въ своей утробѣ:—«Пусть развѣ завтра скажу! Теперь ему испорчу душу! Пусть поспитъ хоть эту ночь! Но у Элѣнди нѣтъ сна. Пробудилась дѣвушка поздно. Пробудившись, говоритъ младшему брату. «Мнѣ стыжусь сказать, но не могу ходитъ!» Говоритъ: Почему же стыдѣшься? Развѣ я тебѣ далъ причину бояться меня? Или говоришь себѣ: «Если стану говорить, то слушать не станешь?» Почему же стыдѣшься?... Тогда показала разу, дыру въ платѣ! «Вотъ!» говоритъ—это! Увидѣвъ, Элѣнди только ахнулъ:—«О зачѣмъ же женщину ранили? Если

¹⁾ Ты тѣнгэт—о диво! Обычное чукотское восклицаніе, означающее удивленіе. Чукотскій языкъ вообще очень богатъ междометіями и различными формами восклицаній, нѣкоторую часть которыхъ я предпочелъ сохранить въ текстѣ. При переводѣ различныхъ техническихъ терминовъ и бытовыхъ выраженій я старался пользоваться опредѣленіями мѣстнаго русскаго нарѣчія, часто чрезвычайно мѣткими. Всѣ они напечатаны на разрядку.

²⁾ Междометіе незнація.

бы былъ мужчина, пожалуй! Женщину ранить постыдно!» Говорить Эленди товарищамъ: «Ну, собирайтесь, пойдемъ! Погонимъ по ихъ слѣду!» Другіе отвѣчаютъ:—«Стало поздно! Переждемъ ночь!»—Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ! Я не могу спать! Худо! Какъ только увидѣлъ рану сестры, спать я не могу! Я вѣдь мужчина! Пусть же я пойду на бой! Тѣ почуютъ, не хотѣтъ идти. Не спитъ Эленди, ходитъ взадъ и впередъ по окрестностямъ. До разсвѣта разбудивъ товарищей, говоритъ: «Пойдемъ, пойдемъ! Вы причина замедленія! Если еще будете спать, я уйду одинъ! Говорю вамъ:—зову васъ на битву съ чужимъ народомъ! Пришелъ въ мое сердце великій гнѣвъ! При вашей помощи буду силенъ!» Наконецъ отправился, взявъ съ собой запасъ.

Пять разъ ночевали по дорогѣ, достигли. Шли, гоня дорогу сестеръ. По прежнему не спитъ младшій братъ. На пятомъ ночлегѣ не спыкаетъ очей. Было по первой заморозы ¹⁾. Достигли. Огромная скала. Обыли кругомъ. Со всѣхъ сторонъ ручьи сбѣгаютъ круто внизъ. По руслу одного взобрались на вершину для развѣдокъ. Перевалили на другую сторону, посмотрѣли. Большое стадо ходитъ взадъ и впередъ, собираясь въ груду изъ боязни овода ²⁾; олени коряцкіе ³⁾. Посмотрѣли снова. Немного подальше много жилищъ, селеніе. Передній бычачеогромный ⁴⁾ шатеръ, громадное жилище, стоитъ впереди всѣхъ. Говорить Эленди. —О! наша сестра въ томъ переднемъ жилищѣ!—Э-хъ! Должно быть такъ!» Говорятъ старшіе братья: «Какъ же будемъ?»—«Спустимся внизъ и пойдемъ возлѣ подошвы! Подойдемъ поближе!» А и такъ близко. Голоса хорошо слышатся.—«У подошвы пониже есть большое озеро. Туда пойдемъ. Жилища за озеромъ; черезъ озеро хорошо рассмотримъ!» Пошли, достигли. Эленди говоритъ:—«Попробуемъ позвать сестру!» Настала ночь. Эленди говоритъ: «Запасъ нашъ издержанъ. Но теперь поздно. Дождемся зари, не выши. Утромъ позовемъ сестру! Ибо придетъ! Пойметъ зовъ и придетъ къ намъ».

Когда пришла заря, сестра откинула дверь въ переднемъ домѣ ⁵⁾. Эленди прокликали: «Йоо-о-хъ! Йоо-о-хъ!», какъ тагара. Услышала, тайно заплакала. Ея мужъ изъ передняго жилища, Эрмэчэн ⁶⁾. Говорить коряцкій Эрмэчэн: «Что тамъ за птицы кричатъ? Откуда зовутъ?» Жена отвѣчаетъ: «Нѣтъ! Съ моей родной земли птички тамъ кричатъ, кланчутъ съ озеръ!» Потомъ говорить мужу:—«Пойду, посмотрю я! Узнаю, что это за птицы?»—«Тебѣ что нужно? Зачѣмъ?»—«Отчего же такъ близко меня не пускаешь? Съ чужимъ народомъ жить и безъ того соскучилась. Развѣ не могу выйти скуку развѣять? держишь меня все время въ пологу ⁷⁾!»—«Правда! говоритъ мужъ.—

¹⁾ Чукотская осень дѣлится на три части: итэрһэрэк, туралѣтэк и собственно йтһѣк, которымъ соответствуютъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчій выраженія: по заморозы, по первой порошѣ и собственно осенью. По заморозы—начало Сентября.

²⁾ Олений оводъ является истиннымъ бичемъ чукотскихъ стадъ. Появленіе даже небольшого количества оленьихъ оводовъ приводитъ оленей въ нервное состояніе, разрѣшающееся безпокойнымъ перебѣганіемъ съ мѣста на мѣсто, или прямо бѣгствомъ навстрѣчу дуновенію вѣтра, отгоняющему насѣкомыхъ.

³⁾ Коряцкіе олени меньше и чернѣе чукотскихъ.

⁴⁾ Бычачеогромный. Зинтэтъ созданъ по сравненію съ оленьимъ стадомъ, въ которомъ самое видное мѣсто занимаетъ старый быкъ, возвышающійся надъ мелкими важными и молодыми бычками своей огромной головою, украшенной широкими развѣсистыми рогами. Шатеръ наиболѣе вліятельнаго человѣка на стойбищѣ всегда стоитъ впереди всѣхъ и владѣлецъ его зовется атторѣли «переднедомный».

⁵⁾ Чукотскій шатеръ почти всегда называется просто домъ, жилище.

⁶⁾ Эрмэчэн собственно сильнѣйшій. Также воинъ, украшенной широками начальникомъ, властитель. Также въ порицательномъ значеніи насильникъ, обидчикъ и даже грабитель. Всѣ эти понятія тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, какъ это будетъ видно въ другихъ мѣстахъ сказанія.

⁷⁾ Йорѣнги на мѣстномъ русскомъ нарѣчій пологъ. Внутренній мѣховой шатеръ для ѣды и сна въ видѣ глухого четырехугольнаго ящика.

Зачѣмъ стану тебя такъ держать? Пойди, посмотри! Она наръзала пять сушеныхъ боковъ¹⁾ и взяла съ собою.

— «Эго зачѣмъ?» говорить мужъ: «Нѣтъ! Пойду по землѣ, быть можетъ, горло захочетъ!» Ушла женщина изъ дома, встала на берегу озера и заплакала — «Гдѣ же они?» говорятъ: «Гоо-ди! Гоо-ди!» изъ-за озера. Тамъ, за озеромъ, въ ложбинѣ! Пришла туда. Схватилъ ее Эленди, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, несетъ на рукахъ, какъ ребенка. Другіе братья несколько, ибо они злоправны. Съели принесенное. Говоритъ младшій братъ: «При стаѣ сколько (пастуховъ)?» — Четыре! Но вы зачѣмъ пришли? Вѣдь васъ убьютъ!» — Пусть! пусть! Развѣ мы для жизни пришли? Пришли для смерти!» — «Весьма сильный взялъ меня въ жены!» — «Все равно!» Говоритъ сестрѣ Эленди: «Теперь вернись домой, но ѣды дома не ѣшь, не ѣвши, лежись спать! Будетъ мужъ приглашать тебя, не слушайся. На утро проснувшись, станутъ тебѣ приглашать къ ѣдѣ, ты не появляйся имъ!» Такъ наказываетъ Эленди сестрѣ. — Когда же въ третій разъ станутъ ѣсть, и станутъ мужъ приставать къ тебѣ, ударь его по лицу рукой, скажи: «Надѣдливый ты! Почему пристаешь съ ѣдой!» Ударь его рукою по лицу, скажи: «Зачѣмъ ты надѣдаешь мнѣ? Когда я жила у братьевъ, они меня кормили морскимъ мясомъ, тюленнымъ жиромъ. Вѣчной своей оленьей зачѣмъ мнѣ надѣдаешь?...»²⁾

Такъ сказала, ударила мужа по лицу. Вскочилъ эрмэчэнъ. — «Хорошо! говорить — достану тебѣ иной ѣды!» Вскочилъ на ноги корячій эрмэчэнъ. — «Сейчасъ, говорить, отправляйся!» Привелъ сосѣдей³⁾. Приходить сосѣдніе люди, собираются вмѣстѣ. Когда собрались, говорить: пойдемъ!» — Куда? — На море: — Э н ѣ й! А олени пастухи?» — Пусть ихъ! — Зачѣмъ же на море? — Метать сѣти! —⁴⁾ Ушелъ весь народъ. Когда ушли они, она запасную обувь вскинула на плечи, пошла къ братьямъ. Говорятъ между собою: «Теперь пойдемъ къ стаду!» Въ патеромъ отправились къ стаду, женщина шестая. Говоритъ Эленди братьямъ. «Вы идите впередъ, я навѣщу стадо, васъ скоро догоню!» Настала ночь. Навѣстилъ стадо; всѣхъ пастуховъ, людшекъ, перебилъ. Угналъ оленей, только стукъ носется отъ роговъ. Двигается стадо, онъ гонитъ его со всѣхъ сторонъ одновременно, огромное стадо бѣжитъ впередъ, какъ небольшая кучка⁵⁾. Скоро догналъ братьевъ. У бывшихъ при оленяхъ людей унесъ котель. На каждомъ ночлегѣ

¹⁾ heṭḥlḥin на мѣстномъ рускомъ нарѣчій бокъ или пдластенъ. Задняя часть мяса, снятая безъ кости, обыкновенно покрытая толстымъ слоемъ жира.

²⁾ Это характерное мѣсто въ одно и то же время выпукло изображаетъ нѣкоторую первобытную равновѣжность половъ въ чукотской семьѣ, уживающуюся рядомъ съ тираніей сильного надъ слабымъ, т. е. мужчины надъ женщиной, а также отбѣняетъ противоположность между оленными коряками, исконными оленеводами и полуприморскими бытомъ чукотскаго племени, размножившаго свои олени стада сравнительно въ недавнее время.

³⁾ Нымтѣмъны товарищи на жительствѣ, сосѣди. Вѣдныя члены племени обыкновенно ставятъ свои шатры рядомъ съ шатромъ богатаго соплеменника, отъ промысла или стада котораго они отчасти питаются, вступая за то къ нему въ извѣстнаго рода вассальныя отношенія. Такія вассальныя отношенія, иногда переходящія отъ поколѣнія къ поколѣнію, всегдѣ не приобрѣтають никакой прочности и разрушаются силой и рядомъ по первому подвернушемуся поводу. У оленыхъ чукотъ, при сильномъ развитіи индивидуализма и разнженіи стадъ, они почти совсѣмъ исчезли.

⁴⁾ Чукчи и русскіе промышленныя тюленей болѣею частью сѣтями, замечывая ихъ подо льдомъ въ проруби, пробитыя самими же тюленями для дышанія.

⁵⁾ Чукотское стадо чрезвычайно непослушно и всегда стремится разбѣгаться въ разныя стороны. Разумѣется, чѣмъ оно меньше, тѣмъ легче съ нимъ справляться для пастуха и погонщика и тѣмъ быстрее оно подвигается впередъ при переходахъ съ мѣста на мѣсто. Поэтому высшая похвала погонщику сказать, что онъ гонитъ стадо въ одно время со всѣхъ сторонъ, и что многочисленное стадо бѣжитъ предъ нимъ впередъ также быстро, какъ небольшая кучка.

убиваютъ быка, всего варятъ и съѣдаютъ, также и кровь (съѣдаютъ), только моняло¹⁾ выбрасываютъ вонъ. Черезъ десять дней пришли домой, гоня съ собой стадо. Пригналъ Элэнди чужое стадо, привезъ и сестру домой, пребываетъ при оленяхъ, бѣгаетъ вокругъ стада такъ быстро, словно летаетъ, машетъ копыемъ, упражняется въ боевомъ искусствѣ.

Коряки ночевали на морѣ 20 ночей, убили только рыбу²⁾, тюленей не добыли, стали возвращаться, ночевали на пути 20 ночей, пришли домой, тамъ страшный голодъ. Оставшіеся въ жилищахъ сушатъ обрывки шкуръ и ѣдятъ ихъ, совершенно изсохли отъ истощенія. Пришелъ эрмэченъ въ свое жилище; дверь закрыта. Посмотрѣлъ внутри, никого нѣтъ. Пошелъ къ сосѣдямъ. «Гдѣ же женщина?» — Не знаемъ! Она исчезла еще при нашемъ уходѣ. Должно быть ушла къ оленямъ!» — «А гдѣ олени?» — «Не знаемъ! вѣстей нѣтъ! Ушли далеко! Мы совсѣмъ изсохли!» — Ну что-жъ? Поѣшьте! Мы отдохнемъ!» Два дня спали, отдыхали. На третье утро пошли къ стаду. Эрмэченъ ждетъ дома. Увидѣли убитыхъ людей (лежащихъ), словно оленины трупы. Вернулись домой посланные. Говоритъ эрмэчену: «Стада нѣтъ! Только людей нашли! Всѣ они перебиты!» Тогда только понялъ, что за птички кликали съ озера. — «Скорѣе погонимъ по слѣду!» Ушли всѣ мужчины. Когда были въ пути, окончилась течка дикихъ оленей, привела вслѣдъ за собой обычную выгогу³⁾. Подвизался большой вѣтеръ и мятель, ничего не видно впереди. Остановились, издержали запасы. Непогода не прекращается. Иззябли и высохли, совершенно изнемогли, потому умерли. Оставшіеся въ домахъ тоже изсохли.

Прогналъ Элэнди другихъ братьевъ, живетъ одинъ и сестры съ нимъ. Откочевалъ въ другую сторону, ибо братья ходили его убить. Вѣжалъ, спасаясь. Былъ по прежнему холостъ. Взялъ двѣ жены, сестеръ отдалъ въ замѣну⁴⁾. Жены родили ему по одному сыну. Выросли сыноньи, стали ходить у стада. Откочевалъ на лѣтowie къ морскому берегу⁵⁾. Вѣсьма богатъ сталъ Элэнди, стадо его размножилось и разжирѣло; сдѣлался эрмэченомъ, пересталъ бѣгать⁶⁾.

II.

Въ концѣ весны покочевалъ на лѣтнее стойбище. Говоритъ Элэнди первой женѣ: — «Не станемъ днєвать, станемъ торопясь, кочевать; только на ночлегъ останавливаясь,

¹⁾ *Pikāpil* — на мѣстномъ русскомъ нарѣчій моняло. Полуиссваренное содержаніе большого желудка, употребляемое въ пищу чукчами и тунгусами, хотя и не особенно охотно, вопреки разсказамъ путешественниковъ о пристрастіи чукочъ къ такого рода растительной пищѣ.

²⁾ Всевозможные виды промысла (рыбный, пушной, тюлений) опредѣляются словомъ убить: *hān melen*.

³⁾ По чукотскому повѣрью, до окончанія течки дикихъ оленей (въ Октябрѣ) является сильная выгога, по минованіи которой олени самцы совершенно теряютъ влеченіе къ самкамъ.

⁴⁾ Мѣна женщинами — одинъ изъ обычныхъ видовъ чукотскаго брака. Иногда семья, принимающая къ себѣ чужую дѣвушку, не имѣя ни одной свободной женщины, остается въ дому и исполняетъ обязательство много лѣтъ спустя.

⁵⁾ Эрмэчену, отъ стада котораго кормятся бѣдные сосѣди, конечно, мало приходится самому бѣгать и суетиться у стада.

⁶⁾ Большая часть чукочъ, оберегая свои стада отъ наскоковъ, уходитъ на лѣтowie къ берегу океана и напротивъ, съ наступленіемъ суровыхъ зимнихъ холодовъ возвращается къ лѣсной границѣ.

станемъ свершать путь, чтобы рѣки не вскрылись и не задержали насъ!»¹⁾ Идутъ къ морю, торопятся. Пришли на лѣтвое къ хорошему берегу. Остановились на недвижномъ жилищѣ²⁾. При первой дневкѣ говоритъ Элѣнди жѣнѣ:—«Хочу изъ-за моря привезти себѣ въ рабы Айвана³⁾ эрмечэна. Запрягайте оленей, двѣ мѣховыя рубахи набейте мхомъ! Торопиться ѣхать!» Первая жена говоритъ:—«О не привезешь, ибо онъ весьма спяченъ. Всѣхъ сосѣдей наполняетъ ѣдой, его жилища наполнены пищей, одинъ прокармливаетъ всѣхъ вытѣшныи⁴⁾. Ня за что! Онъ слишкомъ могучъ! Не привезешь!» —«Отлично привезу!» —«Вѣрно хочешь тамъ кости оставить!» —«Нѣтъ, нѣтъ! Я вернусь назадъ! Скорѣе набейте мхомъ одежду, запрягайте оленей! Я ѣду!» Увезъ съ собой двѣ запряжки, взявъ нарту съ рѣшетчатой грядкой⁵⁾ положилъ туда одежду, набитую мхомъ и дорожный запасъ. Уѣхалъ вмѣстѣ со второй женой. Когда уѣхали, лѣтняя вода еще не пришла на морѣ. Вышли на открытое морѣ, середина моря изломана. Вода свободна отъ льда. Остановились на закраинѣ. Вынули одежды съ мхомъ, вытрясли мохъ изъ одной на ледъ, поставили оленей, сами закусили, легли спать. Олени поѣли мху, немного осталось. Спустия немного времени, дошли остатокъ, приобрѣли прежнюю силу. Чуть-чуть поспали, пробудились. Очертилъ Элѣнди кругъ на льду своими узкими полозьями, разогналъ оленей; какъ птицы перенеслись черезъ открытое морѣ, очутились на льду съ другой стороны. Покинули тутъ вторую одежду со мхомъ, помчались впередъ. Солнце восходило, когда отправились въ путь. Мчатся оленю, не ослабляя быстроты, какъ на быстромъ бѣгу. Стало спускаться солнце, показалась земли за моремъ. Какъ разъ съ заходомъ солнца достигли земли, вышли на берегъ. Большое селеніе. Дошли до задняго жилища⁶⁾, отпустили оленей, ибо тамъ мху очень много. Всѣ жилища очень малы, но переднее жилище огромно; жилище Айвана Эрмечэна; на-ружний шатеръ изъ моржовой кожи. Въ заднее жилище⁷⁾ вошли. У хозяевъ нѣтъ ни кусочка мяса.—«Чѣмъ же насъ кормить станемъ? У насъ ѣды нѣтъ. Пройдите лучше къ Айвану Эрмечэну!» —«Нѣтъ, тутъ соснемъ и отдохнемъ! Привнеси запасъ изъ саней! говоритъ Элѣнди жѣнѣ.— Тутъ будемъ спать! По пробужденіи навѣстимъ Эрмечэна!» Привнесла изъ саней два оленьихъ бѣдка⁸⁾. Поѣвши заснули. Проснувшись, говоритъ Элѣнди хозяйкамъ: «Ну, пойдемъ, пойдемъ!» Мимо кого проходили, всѣ присоединяются сзади. Стали, какъ кочевой поѣздъ. Элѣнди идетъ впереди. Жѣнщина ведетъ (свиту). Вошли въ шатеръ. Сидитъ Эрмечэнъ, поджавъ ноги, цунаетъ бабъ. Огромный великанъ.—Ка-ка! гости-и-и!»⁹⁾—«И!»¹⁰⁾ «Ого! Торопитесь варить, бабы-ы!» Сидитъ

¹⁾ Чукчи уходятъ на лѣтвое обыкновенно очень поздно и нерѣдко кочуютъ до послѣдней возможности по черной землѣ и холодной водѣ, стремясь достигнуть лѣтней стоянки.

²⁾ Лѣтнее жилище недвижно, потому что чукчи почти совершенно незнакомы съ верховой и вьючной ѣздой на оленяхъ, лѣтомъ лишены средствъ передвиженія.

³⁾ См. выше предисловіе.

⁴⁾ См. выше 3. Стр. 354.

⁵⁾ Чукотская упряжка состоитъ изъ двухъ оленей. На одномъ оленѣ ѣздить только въ исключительныхъ случаяхъ. 3-хъ оленей никогда не запрягаютъ. Нарта съ рѣшетчатой грядкой—на аратъ зашметована чучками у коряковъ и употребляется для храненія разныхъ мелкихъ предметовъ, напр., посуды. Возить кладь на такой нартѣ считается щеголеватостью и признакомъ благосостоянія.

⁶⁾ При продолжительныхъ зимнихъ поѣздкахъ по ледянымъ полямъ океана или по мѣстности бѣдной моховиками, приходится возить съ собой запасъ мху, набитый въ широкую мѣховую одежду.

⁷⁾ Жилище самаго бѣднаго или незначительнаго человѣка, работника, или раба ставится сзади всѣхъ другихъ.

⁸⁾ Вокъ см. выше прим. 1. Стр. 354.

⁹⁾ Ка-ка выражаетъ изумленіе. Голосъ Айвана изображается грубымъ, басистымъ и сильно растягивающимъ послѣдній слогъ. Вообще разговоры ведутся разными голосами съ явнымъ стремленіемъ придать разсказу болѣе драматическій характеръ.

¹⁰⁾ И—междометіе утвержденія—Да.